

This is an open access article
Distributed under the Creative Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0
(CC BY-ND)

© 2024 г. Е.В. АНТОНОВА

В.В. ШВИДКОВСКАЯ — АДРЕСАТ СВЯТИТЕЛЯ ФЕОФАНА, ЗАТВОРНИКА ВЫШЕНСКОГО

Аннотация: В настоящей статье предпринята попытка уточнения биографии В.В. Швидковской, состоявшей со второй половины 1870-х гг. в переписке с преосв. Феофаном (Говоровым). Особое внимание уделяется попыткам Швидковской реализовать в первой половине жизни явно имевшиеся у нее педагогические наклонности. Устанавливается, что углубление Швидковской в духовную сферу произошло после неудачной попытки усовершенствования Киевского института благородных девиц (в качестве его начальницы). Также в статье уделяется внимание обстоятельствам, подтолкнувшим Швидковскую к переезду из Задонска, где она проживала длительное время, в Козельщанский монастырь. Материалом статьи послужили результаты исследования архивных фондов РГИА, ЦГИА СПб., ГАРФ, РО ИРЛИ РАН, редкие книжные издания и публикации в русских периодических изданиях (журнал «С.-Петербургский духовный вестник», газета «Киевлянин»). Богатая фактографическая основа статьи существенно расширяет представления о духовной жизни России последних десятилетий XIX в., о роли духовенства и, в частности, преосв. Феофана Затворника в окормлении мирян.

Ключевые слова: Феофан (Говоров), переписка, В. Швидковская, Киевский институт благородных девиц, Задонск.

Информация об авторе: Елена Викторовна Антонова — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3659-8994>

E-mail: antonova.imli@gmail.com

© 2024. ELENA V. ANTONOVA

VARVARA SHVIDKOVSKAYA AS AN ADDRESSEE OF ST. THEOPHAN, THE RECLUSE OF VYSHA

Abstract: This article attempts to clarify the biography of Varvara V. Shvidkovskaya, who had been in correspondence with Bishop Teofan (Govorov) since the second half of the 1870s. Special attention is paid to Shvidkovskaya's attempts to realize in the first half of her life the pedagogical inclinations that she clearly had. It is established that Shvidkovskaya's immersion into the spiritual sphere occurred after an unsuccessful attempt to improve the Kiev Institute of Noble Maidens (as its head). The article also pays attention to the circumstances that prompted Shvidkovskaya to move from Zadonsk, where she lived for a long time, to the Kozelshchansky monastery. The article is based on the materials resulting from the study of the archival funds of the Russian State Historical Archive, Central State Historical Archive of St. Petersburg, State Archive of the Russian Federation, the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of RAS, rare book editions and publications in Russian periodicals (magazine "St. Petersburg Spiritual Messenger", newspaper "Kievlyanin"). The rich factual basis of the article significantly expands the understanding of the spiritual life of Russia in the last decades of the 19th century, the role of the clergy and, in particular, the Rev. Theophan the Recluse in caring for the laity.

Keywords: Theophan (Govorov), Correspondence, V. Shvidkovskaya, Kiev Institute of Noble Maidens, Zadonsk.

Information about the author: Elena V. Antonova, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3659-8994>

E-mail: antonova.imli@gmail.com

Как известно, одним из постоянных адресатов преосв. Феофана являлась Варвара Васильевна Швидковская (1828–1897), вдова коллежского советника, по происхождению своему — дворянка Ярославской губернии. Родителями ее были лейтенант флота Василий Михайлович Ленин¹ и жена его Елена Павловна, урожденная Окулова². По имеющимся сведениям, Варвара, вероятно, была младшим ребенком в семье³. Как и мать ее, она получила образование в Екатерининском институте благородных девиц (выпуски 1805 и 1847 гг.). Обе они по окончании учебы были пожалованы золотым шифром средней величины [Масик, с. 67, 75].

После выпуска Варвара Васильевна занялась преподаванием в частных домах. Известно также, что в конце 1850 — начале 1851 гг. она несколько месяцев прослужила классной дамой в С.-Петербургском училище глухонемых (РГИА. Ф. 758. Оп. 23. Ед. хр. 81). Возможно, благодаря этой службе девушка и познакомилась со своим будущим мужем — Иларием Ивановичем Швидковским (1819–1863)⁴, тогда еще титулярным советником, столоначальником в хозяйственном департаменте Министерства внутренних дел. Венчание Илария и Варвары состоялось 24 октября 1851 г. (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 124. Ед. хр. 728. Л. 521 об. — 522).

Супружеская жизнь Швидковских продлилась немногим более десяти лет, Иларию Ивановичу скончался от чахотки в январе

¹ Уволен от службы в 1801 г. [Общий морской список, 1890, с. 233]. Впоследствии, во второй четверти XIX в., во флоте служили и старшие братья Варвары Васильевны Михаил и Сергей [Общий морской список, 1898, с. 549–550].

² Сестра декабриста Николая Павловича Окулова.

³ Генеалогическое древо этой семьи см.: [Штейн, с. 296].

⁴ В училище почти всю свою жизнь служила сначала классной дамой, затем инспектрисой старшая сестра Илария Швидковского — Евгения Ивановна (1818–1885), также выпускница Екатерининского института. Впоследствии Е.И. Швидковская стала женой Н.И. Греча (во втором его браке); сведения о ней включены в «Библиографический словарь русских писательниц» (СПб., 1889).

1863 г. (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 124. Ед. хр. 728. Л. 521 об. – 522). Детей в этом браке или не было, или, возможно, они умирали в младенчестве. Так что еще при жизни мужа Варвара Васильевна решила направить свой педагогический талант на обустройство частного пансиона для девочек, в связи с чем получила в 1861 г. ссуду от Государственного казначейства в 4 тысячи рублей серебром, сроком на 10 лет. Обязательства по возврату ссуды впоследствии доставили Швидковской немало хлопот, однако в начале 1864 г. она, по высочайшему повелению, была освобождена от необходимости уплаты долга (РГИА. Ф. 733. Оп. 11. Ед. хр. 637. Л. 27). Благодаря делу об этой ссуде до нашего времени дошли документы, проливающие свет на педагогические устремления Швидковской. Вот, кстати, ее собственное об этом свидетельство:

Посвятив себя воспитанию детей, я 15 лет моей жизни употребила на приобретение теоретических и практических познаний в этом деле. Укрепленная собственной ответственностью и ответственностью других предшествовавших деятелей на том же незаметном, но важном поприще, единственно из любви к детям, без всяких, по совести могу сказать, корыстных целей и побуждений, я в прошедшем году купила, на данные мне правительством деньги в ссуду, пансион, находящийся на Невском проспекте в доме Меняева.

Первым моим долгом по принятии этого заведения было: обновить его внешность, изменить метод учения и ввести *воспитание* в строгом и истинном его значении, убедившись, что в наших общественных заведениях единственно заботятся только об *обучении*, как о предмете, более бросающемся в глаза постороннего наблюдателя. Обновление внешности заведения, вызванное найденным беспорядком и неопрятностью, заслужило уже лестный для меня отзыв инспектора частных училищ, а улучшение пищи и вообще быта детей удостоилось благодарности родителей.

Метод учения также требовал коренных изменений, потому что, хотя программа, утвержденная Министерством, и выполнялась, но дети весьма мало приобретали познаний, заучивая равнодушно, без всякого интереса, уроки, которые скоро ими и забывались. Пригласив хороших молодых учителей, которым еще не наскучило преподавание, и которые еще не устали на этом поприще, дав детям новейшие и лучшие пособия учебные, наконец, приняв лично деятельное участие в их занятиях, разделяя с ними их труды, сочувствуя всем сердцем их успехам, я, к моему утешению, вполне успела возбудить в них любовь к учению и сделать его не сухим и скучным препровождением времени, но занятием полным жизни и интереса, так что из 47 воспитанниц с трудом найду у себя двух-трех менее старательных, но отнюдь не ленивых. Что касается воспитания, в нравственном смысле этого дела, то я с полным убеждением могу сказать, что между мною и моими воспитанницами существует та искренняя доверенность и откровенность, которые устраняют всякую мысль о необходимости каких-либо наказаний. Приучить детей к выполнению христианского и гражданского долга, подружить их с постоянным трудом, развить сколько можно более и обогатить их ум полезными знаниями, научить их познавать и любить истину, словом: приготовить их к исполнению предстоящих им в жизни обязанностей жены и матери, — вот цель, которую я имею в деле воспитания и к которой иду с таким, по мере моего усердия и усилий, успехом, что в короткое время многие родители заметили в своих детях перемену к лучшему (РГИА. Ф. 733. Оп. 11. Ед. хр. 637. Л. 10–11. Письмо датировано 16 января 1862 г.).

Из другого письма Швидковской, к министру народного просвещения А.В. Головину, следует, что пансион ее удостоился не только «лестного отзыва начальства», но и покровительства великой княгини Александры Петровны, дочери принца

П.Г. Ольденбургского, возглавлявшего Ведомство учреждений императрицы Марии (РГИА. Ф. 733. Оп. 11. Ед. хр. 637. Л. 18 об.). Попечитель же С.-Петербургского учебного округа И.Д. Делянов при обсуждении дела о суде прямо высказывался:

...судя по началу, надобно полагать, что при умении госпожи Швидковской вести дело воспитания и обучения и усердии, с коим она сим занимается, ея учебное заведение принесет со временем существенную пользу (РГИА. Ф. 733. Оп. 11. Ед. хр. 637. Л. 25 об.).

Отдал должное Швидковской и один из приглашенных ею «молодых учителей», ставший впоследствии известным педагогом и общественным деятелем, — В.П. Острогорский. На страницах своей книги «Из истории моего учительства» он вспоминал:

Еще в 1863 году, помнится, в начале его, получил я по рекомендации г-жи Кауфман и матери моей ученицы Поповой приглашение взять на себя уроки литературы в женском пансионе Варвары Васильевны Швидковской. Это учебное заведение (кроме Василеостровского училища), первое в моей учительской практике, стоит того, чтобы о нем вспомнить <...> оно основано было покойной супругой довольно известного в свое время университетского профессора истории г-жой Касторской, впоследствии начальницей Царскосельской женской гимназии. Кажется, пансион этот ничем особенным не выдавался из уровня всех подобных дореформенных рассадников женского образования, но, переданный с начала шестидесятых годов в другие руки, сразу оживился, пойдя навстречу более серьезным требованиям от женского образования [Острогорский, с. 242].

Швидковская, по воспоминаниям Острогорского, умела привлекать к себе людей, а покровительство великой княгини

(«первое, кажется, в России высочайшее покровительство частому учебному заведению» [Острогорский, с. 242]) способствовало репутации пансиона в глазах родителей. Со своей стороны, Острогорский характеризует пансион как один из лучших тогда в столице «по духу и серьезности научных требований» и «первое, кажется, в Петербурге хорошее частное женское учебное заведение, в типе гимназии» [Острогорский, с. 242, 244]⁵. Вполне подтверждает он и глубокую вовлеченность Швидковской в образовательный процесс:

Поставив себе задачей воспитать не барышень для салона и женихов, а образованных русских девушек, она была требовательна и к себе, отдавая заведению все свое время, и к учителям, и к учащимся, которые, несмотря на ее строгость, очень ее любили. Раз выбрав известного преподавателя, она уже относилась к нему с полным доверием, исполняя его разумные требования, и сама с интересом следила за занятиями учениц. Понимая важность литературного образования, особенно для женщины, она, прежде всего, озаботилась устройством хорошей библиотеки и кроме программных занятий требовала от учениц начитанности, высоко ставя в них интерес к науке, любознательность [Острогорский, с. 243].

Как свидетельствует Острогорский, в 1869 г., «желая большего простора своей деятельности», Швидковская передала пансион Е.В. Ставиской и стала искать место начальницы женского института [Острогорский, с. 244–245]. В конце 1870 г. очевидной стала приближающаяся кончина начальницы Киевского инсти-

⁵ В «Путеводителе по С.-Петербургу» (1865), кстати, так и указывалось: «Швидковской, пансион женский, курс гимназии без алгебры, геометрии и латинского языка, но с присоединением английского языка, танцев, музыки и пения» [Путеводитель, 1865, с. 140]. Объявления о пансионе Швидковской с разъяснениями относительно программы и условий приема можно также видеть и в «С.-Петербургских ведомостях» 1860-х гг.

тута благородных девиц Е. Д. Голубцовой⁶, и Швидковская была извещена, что это место предназначается ей. Подготавливаясь к новому поприщу, Вера Васильевна разыскала Острогорского, «прося пройти с ней в общих чертах курс словесности, ознакомиться ее с методикой и учебниками и наметить для библиотеки книги», после чего два месяца училась у него и некоторых других учителей «только для того, чтобы достойно занять этот новый, в ее глазах столь ответственный, пост» [Острогорский, с. 245].

Швидковская, надо полагать, была чрезвычайно воодушевлена открывшимися перед ней перспективами.

«Какие широкие планы будущей деятельности развертывала передо мною перед своим отъездом эта юношески увлекающаяся женщина! С какими надеждами ехала она — исправить, поставить на ноги, оживить большой рассадник женского образования на юге России, который, как она слышала, попустился и не соответствовал новым требованиям от образования!» — вспоминает Острогорский [Острогорский, с. 245]. Однако обстоятельства сложились не в ее пользу.

Можно предположить, что появившись в Киеве в конце февраля 1871 г., Швидковская чрезвычайно энергично принялась за реформу института, не вполне учитывая настроения и связи местного общества, и восстановила против себя большую его часть. Деятельность ее повлекла за собой ряд «частных сведений», иначе говоря — доносов, о ее будто бы «нетрезвой и развратной жизни» (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 46. Ед. хр. 29. Л. 1). По этой причине уже в апреле Ведомством учреждений императрицы Марии в Киев был командирован тайный советник Колесов, получивший от Швидковской необходимые разъяснения. Неудовлетворенные результатами этой инспекции, противники новой директрисы продолжили свои интриги, указывая, между прочим, что «ни одна из предшественниц г-жи Швидковской <...> не навлекла на себя такого общего негодования и оскорбительных для женской чести подозрений» (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 46.

⁶ Урожд. графиня Толстая.

Ед. хр. 29. Л. 4). Не лучшую службу здесь сослужила Варваре Васильевне присущая ей экспансивность, истолкованная самым превратным образом:

Ее неистовые ласки и поцелуи, расточаемые некоторым воспитанницам и постоянные разъезды по всем закоулкам города на первом попавшемся на улице извозчике, без сопровождения слугителей или служанок, совершенная бестактность ее в обращении как со своими подчиненными, так и с посторонними лицами все более подкрепляют молву о ненормальном состоянии ее умственных способностей, проявляющемся периодически, и какой-то секретной женской болезни, побуждающей ее предаваться влечению физических страстей (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 46. Ед. хр. 29. Л. 4–4 об.).

Отмечалось также, что Швидковская «хулила память» покойной начальницы и «придиралась к ее приверженцам», что повлекло за собой разделение между девочками, а затем и нечто вроде бунта:

...недели три назад толпа воспитанниц, выведенных из терпения укоризнами и насмешками своей начальницы, устремилась с шумом к занимаемому ею покоям с намерением потребовать от ней удовлетворения, но г-жа Швидковская, предупрежденная об угрожающей ей опасности, заперлась на ключ в своей квартире и только благодаря этой предосторожности избегла неприятного столкновения с детьми (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 46. Ед. хр. 29. Л. 5–5 об.)⁷.

⁷ Надо отметить, что Е.Д. Голубцова, руководившая институтом около двадцати лет, какой бы ни была ее деятельность, имела немало почитателей в киевском обществе. Об этом, в частности, свидетельствуют публикации «Киевлянина», связанные с ее кончиной.

Событие это, произошедшее еще до летних каникул, позволяло злопыхателям предаваться мрачным пророчествам, будто «многие родители, взявшие своих детей на каникулярное время, едва ли решатся доставить их обратно в институт» (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 46. Ед. хр. 29. Л. 4 об.).

К сожалению, противодействовало Швидковской не одно лишь дамское общество. Вступила она в конфликт и с преподавателем Киевского университета, издателем «Киевлянина» В.Я. Шульгиным, являвшимся также более двадцати лет инспектором института благородных девиц:

На первых же порах она столкнулась с не менее ее самолюбивым инспектором института известным историком В.Я. Шульгиным. Вышли какие-то недоразумения, взаимные препирательства из-за власти... отношения обострились [Острогорский, с. 245]⁸.

Наконец, 12 октября 1871 г. в Киев прибыл принц П.Г. Ольденбургский. Одной из целей его визита было дознание по поводу ситуации в Институте благородных девиц, которое он и провел 15–17 октября. Ввиду урона, нанесенного репутации Швидковской, хотя бы и при «отсутствии положительных фактов о безнравственном поведении», было принято решение об увольнении ее от должности, о чем Петр Георгиевич сразу же «донес императрице в Ливадию шифрованной телеграммой» (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 46. Ед. хр. 29. Л. 8).

Увольнение Швидковской «по болезни» последовало 18 октября (ГАГК. Ф. 144. Оп. 1. Ед. хр. 287. Л. 8, 12), а окончательное умиротворение скандала можно, вероятно, связать с посещени-

⁸ Шульгин, по прошению, уволился из института с 1 июля 1871 г., см. в именном списке начальствующих и должностных лиц института за 1871 г. (ГАГК. Ф. 144. Оп. 1. Ед. хр. 287. Л. 8, 11 об. – 12). Этот список содержит полную информацию о всех кадровых перестановках того года, в том числе и об увольнении при Швидковской сразу шести классных дам.

ями института сначала императором (25 октября), а затем императрицей (27 ноября).

Насколько удастся установить, перенесся столь болезненный удар, Швидковская на какое-то время возвратилась в С.-Петербург. Как записал в своем дневнике после знакомства с ней в 1885 г. преосв. Савва (Тихомиров), в Петербурге она какое-то время жила в Воскресенском Новодевичьем монастыре. Он же упоминает, что при посещении этого монастыря императором Бразилии Педру II Швидковская «служила для него переводчицей» [Хроника моей жизни, с. 469]⁹.

Визит Педру II в Россию состоялся в августе 1876 г. Вероятно, довольно скоро после этого Варвара Васильевна покинула столицу, перебравшись в места, связанные с именем св. Тихона Задонского. Из переписки с преосв. Феофаном¹⁰ следует, что основным местом жительства в 1880-е гг. становится для нее Задонск, откуда она совершала выезды и в некоторые другие монастыри, особенно выделяя в этом отношении Елецкий Знаменский монастырь. Примечательно в этой связи, что в январе 1879 г., при решении наследственных вопросов между Лениными, представлявший Швидковскую поручик Н.Ф. Левашов имел на руках доверенность от нее, составленную в ноябре 1878 г. в конторе именно елецкого нотариуса (РГИА. Ф. 577. Оп. 48. Ед. хр. 1111. Л. 8). Адрес же самой Швидковской в документах этого дела: гостиница Богородице-Рождественского монастыря в Задонске.

Помимо писем преосв. Феофана ко Швидковской из «Собрания писем» известны и более ранние письма к ней же, составившие вторую половину книги «Письма к разным лицам о разных предметах веры и жизни епископа Феофана» [Феофан, 1882], —

⁹ Знакомство Швидковской с преосв. Саввой состоялось в июне 1885 г. при посредничестве В.А. Иордан, которая также состояла в переписке с преосв. Феофаном.

¹⁰ Ей адресованы письма №№ 980–1049, 1201–1212 по пагинации афонского «Собрания писем» преосв. Феофана.

начиная с письма XXXV. В связи с отсылкой «Писем к разным лицам» еще одной своей корреспондентке преосв. Феофан счел возможным приоткрыть обстоятельства своего знакомства с Варварой Васильевной и ее первых шагов к монашеству:

Особа, к которой писаны письма, очень ретивая и в обитель поступила с искренним желанием стать твердою ногою в монашестве. Там ее облепили сразу эти щепки монастырские, пустые тараторки (две-три) натараторили ей...¹¹ В ужас пришла... Ушла из монастыря и живет подле. Но жизнь ведет наистрожайшую, и дальше вы увидите, как у нее дело идет исправно. Я ее не видал. Она стала писать ко мне пред монастырем, и продолжает. Благодать Божия осязательно действует в ней [Феофан, 1898, с. 120, № 269].

Одобрительный эпитет «ретивая» преосв. Феофан употребляет применительно ко Швидковской не однажды; делает он это и в письмах к О.С. Бурачек в 1881 г. (РО ИРЛИ РАН. Ф. 34 (Архив С.О. Бурачка). Ед. хр. 481)¹².

Известно, что углубление Варвары Васильевны в духовную жизнь привело к принятию схимы весной 1886 г., о чем, кстати, ей было запрещено распространяться: «Поопаситесь — обнару-

¹¹ Вероятно, об этих же событиях преосв. Феофана напоминает Швидковской в письме от 17 января 1892 г.:

Наконец-то определилось у вас по милости Божией, где вам приклонить голову. Да благословит Господь пребывание ваше там! Припомните, что сделало неудобным пребывание ваше в монастыре женском у Поликсении, и собирайтесь не допускать того. Какая придет к вам таракать о делах монастыря с критикой начальственных распоряжений, сразу заставляйте таких молчать, говоря, что такие дела нас с вами не касаются [Феофан, 1900, с. 248, № 1210].

Упоминание о игуменье по имени Поликсении позволяет установить, что речь шла о Богородице-Тихоновском Тюнинском женском монастыре в Задонске.

¹² Феофан, епископ. Письма его (43) к Бурачек Ольге Степановне и др. чл. семьи. 1877–1884. Письма от 27 июля (л. 64–65 об.) и 11 сентября (л. 66–67) 1881 г.

жить пред кем-либо хоть косичку какую из схимнического наряда своего» [Феофан, 1899, с. 118, № 986]. Приблизительно в то же время, в ином, мирском, измерении, дамское общество Киевского института благородных девиц все еще не могло спокойно вспоминать о времени начальствования Швидковской и продолжало публичное очернение ее имени, называя связанный с ним период не иначе как «погромом»¹³...

Вчитываясь в письма преосв. Феофана ко Швидковской, нетрудно заметить доверительность их отношений. Очевидно, что Варвара Васильевна делилась в своих посланиях многими мелочами своего быта — описывала случавшиеся нестроения в отношениях с окружающими, частые финансовые затруднения и преодолевающие ее физические недуги... Постоянной темой обсуждения стали в свое время проблемы обучения и воспитания взятой под опеку девочки Дуни. И на каждое из подобных сообщений неизменно следовал ободряющий и назидательный отклик преосв. Феофана, в котором довольно часто проскальзывала и добрая улыбка. По возможности оказывал он Швидковской и посильную финансовую помощь¹⁴.

¹³ См.:

...персонал служащих буквально разбежался из института. Краса и главная сила педагогическая профессор Шульгин, все профессора университета, бывшие преподавателями в институте, лучшие классные дамы, многие из воспитанниц бежали из института... вместо 200 комплектных институток их осталось всего 158. Некоторые из классных дам, ушедших при Швидковской из института, потом снова возвратились в него и до сих пор состоят на службе, и эти очевидцы говорят, что только тот не ушел тогда из института, кто не уважал самого себя [Киевский институт, с. 513].

Официальным автором этого текста являлся настоятель институтской церкви священник Федор Хорошунов, занявший свое место в августе 1883 г. и, следовательно, знавший об этих событиях исключительно с чужих слов.

¹⁴ Упоминание в одном из писем (от 7 февраля 1890 г.) безвременного скончавшегося «покровителя» и «попечителя» Швидковской по имени Платон [Феофан, 1900, с. 212–213, № 1047] заставляет предположить, что какое-то время

Не отказалась Варвара Васильевна и от интеллектуальных занятий. Известно, например, что она занялась изучением древнегреческого языка, для того чтобы читать на нем Священное Писание [Письма... к Швидковской, с. 952]. В письмах преосв. Феофана речь заходит о попытках перевода ею некоторых душеполезных трудов, к примеру, Франциска Сальского [Феофан, 1899, с. 111, 117, 123, № 982, 986, 989].

Возможно, Швидковская так и окончила бы свои дни в местах, осененных святым именем Тихона Задонского, как это выдилось и преосв. Феофану¹⁵, если бы не нападение, совершенное на нее грабителем в ее же доме в скиту Задонского монастыря. Последствия этого события для немолодой женщины оказались достаточно тяжелыми. Подробности его возможно привести от первого лица, благодаря тому что преосв. Феофан поделился ими еще с кем-то из своих адресатов:

Бедная страдалица, но мужественная! 27 ноября она причащалась св. Таин, а в 12 часов ночи попала в руки вора-разбойника. Вечером, окончив обычные молитвы до 11 часов, прилегла немного. В 12 ½ проснулась, зажгла восковую свечку и пришла в молельню поправить лампы, но вдруг, говорит она, предо мною мужик. «Я не испугалась и говорю ему: кто ты? зачем ты сюда? вон пошел! А он на меня: давай денег. — Какие деньги, у меня нет денег. — Давай деньги. И схватил меня за плечи, повалил на пол одной рукой, за затылок стиснул и прижал

она получала вспомоществование от графа Платона Александровича Зубова, умершего в возрасте 55 лет 11 января 1890 г. Возможно, посредническую роль в организации этого вспомоществования сыграла жена Зубова — «добрая графиня» [Феофан, 1900, с. 194, № 1035]. Какую-то помощь Швидковская получала и от императрицы [Феофан, 1900, с. 245, № 1208].

¹⁵ См., например, в письмах 1886 и 1887 гг.: «Святитель Тихон призвал вас, прикрыл, и настроение доброе дал, и теперь вам есть покровитель. Вам тут и быть, пока не выгонят» [Феофан, 1899, с. 167, № 1018]; «...главное для вас не бежать от святителя Тихона» [Феофан, 1899, с. 181, № 1028].

к полу (к ковру, на коем я причащалась утром) и коленом стал на спину, а кулаком другой руки начал бить по голове. Я в крови, чувствую теплоту ея. Вспомнила, что причащалась св. Тайн и подумала: готова, Господи, и громко сказала: Пресвятая Богородица, спаси меня! В мгновения он отскочил, и я тоже вскочила на ноги бросилась в коридор, заперла задвижку и криком позвала людей. Вошли — пусто. Из комода все выкинуто, рама зимняя в окне выставлена, летняя — открыта. Утек. И вот всю ночь прободрствовала. Прочитала акафист Иисусу Сладчайшему и Царице Небесной».

Далее преосв. Феофан заключал:

Но она и под кулаком злодея оставалась спокойною и доселе покойна. У ней все одно: так Богу угодно. Да будет воля Божия! Такое состояние — верх совершенства. Этот случай Господь послал как пробу для определения: насколько градусов поднялась... [Письма... к Швидковской, с. 952].

Тем не менее, Варвара Васильевна всерьез задумалась о подыскании для себя другого места проживания, и ее последующая переписка с преосв. Феофаном посвящена обсуждению этого вопроса [Феофан, 1900, с. 242–251, № 1207–1212]. Рассматривая подходящие монастыри, святитель, однако, писал и о том, что отъезд не является обязательным:

Пришел вопрос: да что вас гонит отсюда?! Мужик забрался. Но у Государя под столовою устроили мину и взорвали. В деле мужика монастырь не виноват. Стало быть, можно еще жить тут. Так думаю, но не решаю [Феофан, 1900, с. 246, № 1208].

Среди имевшихся вариантов был, кстати, известный Иоанно-Предтеченский Леушинский монастырь, игуменья которого

Таисия (Солопова) была заинтересована заполучить Варвару Васильевну для каких-то своих нужд¹⁶. Однако климат этого места (совр. Вологодская область) был найден неподходящим. Конечный выбор пал на Богородице-Рождественский Козельщанский монастырь в Полтавской губернии, с игуменьей которого — Агнией (Щербачевой) Швидковскую давно уже связывали дружеские отношения.

Переехав в Козельщанский монастырь вместе со своей Дуней, Варвара Васильевна прожила там еще около пяти лет (скончалась 4 августа 1897 г.). Ей пришлось пережить и преосв. Феофана, и игуменью Агнию. Поначалу Швидковская занималась школой при монастыре, но силы ее постепенно ослабевали, к тому же за два года до смерти она потеряла зрение. По воспоминаниям Илариона (Юшенова), епископа Полтавского, после кончины преосв. Феофана она «чувствовала тяжелое сиротство и скорбела, что он никогда не являлся ей в видении» [Письма... к Швидковской, с. 950]. Это ее желание исполнилось незадолго до кончины. Часть писем святителя Швидковская уничтожила, сохранив всего 120 (это составляло меньше половины от общего числа), а ее большая библиотека была оставлена Козельщанскому монастырю. Окончательное место упокоения Варвара Васильевна обрела на монастырском кладбище.

¹⁶ См. размышления преосв. Феофана по этому поводу:

Что заставило мать Таисию обратиться к вам? — Я подумал сначала, что ее послала Варвара Александровна <Иордан. — Е.А.>, для спасения вас от разорения катастрофою. Но она не знала о сей катастрофе до Задонска. — Наверное, она желала иметь вас помощницей в управлении, и именно с духовной стороны. Неужели она вам ничего не сказала, зачем желает вас? Ведь она искала! Стало, имела нужду. Ответ архимандрита: не поедет — стара, показывает, что от вас ожидалась служба, и не легкая. Обитель сию можно иметь в виду. — Там 250 сестер, — обитель благоустроенная, — игуменья образованная и добрая. Изложите все, что еще нужно, пусть знает, — и скрепит [Феофан, 1900, с. 245, № 1208].

Посетив осенью 1897 г. ее могилу, преосв. Иларион писал:

Пожелалось мне 7 октября поклониться могиле свято скончавшейся Варвары Васильевны. Как много говорит такая могила! Слышим из недр ее то дорогое слово, которое говорила почившая, воскресает она в душе и беседуешь с нею, как с живою... Я благоговел перед чистотою ее души. Всегда кроткая, молитвенного настроения, глубоко проникающая в каждый предмет и действие, пребывающая непрерывно в монашеской Иисусовой молитве, изумительно терпеливая в скорбях и телесных страданиях и притом всегда благодушная и довольная, как бы ничто не касалось ее. Отраднo было все это вспоминать, стоя перед ее могилою. Увижу ли я еще в жизни моей подобных?! [Феофан, 1900, с. 950–951].

Для понимания противоположности церковной и светской оценок жизни этой женщины кажется любопытным привести в заключение и слова Острогорского, сожалевшего о раннем завершении светской педагогической деятельности Швидковской:

Энергия этой интересной личности, именно призванной, по моему мнению, к административно-педагогической деятельности, требовавшей простора и свободы инициативы, сломилась... Как-то незаметно сошла она со сцены, что называется, стушеввалась, и я несколько лет ничего о ней не слыхал... В начале восьмидесятых годов случайно узнал я, что она поселилась в монастыре, но живет не на покое, а, по свойству своей неугомонной натуры, и там принося по сильную пользу, обучая детей... Я не удивился... Религиозные задатки, некоторая экспансивность в ней были... Может быть, теперь она уже и монахиня, и даже игуменья... А жаль! Арена для таких личностей, у нас в России редких, не тесная монашеская келья, куда человек хоронит все свои прежние замыслы... [Острогорский, с. 245–246].

Список литературы

Исследования

1. Письма преосв. Феофана к В.В. Швидковской: Краткий биографический очерк ея // С.-Петербургский духовный вестник. 1897. № 48. С. 950–953.

2. *Штейн М.Г.* Ульяновы и Ленины: Тайны родословной вождя. М.: Алгоритм, 2013. 302 с.

3. *Щербакова М.И.* Корреспондент святителя Феофана «г-жа NN» // Два века русской классики. 2021. Т. 3. № 1. С. 262–283. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2021-3-1-262-283>

Источники

4. *Масик С.Н.* Юбилейный LXX выпуск Екатерининского института благородных девиц. СПб.: [б. и.], 1912. 403 с.

5. Общий морской список. СПб.: Тип. В. Демакова, 1885–1890. Ч. 4. Царствование Екатерины II. СПб.: Тип. В. Демакова, 1890. 711 с.; Ч. 10: Царствование Николая I. СПб.: Тип. В. Демакова, 1898. 755с.

6. *Острогорский В.П.* Из истории моего учительства: Как я сделался учителем (1851–1864 гг.). СПб.: Изд. О.Н. Попова, 1895. 293 с.

7. Путеводитель по С.-Петербургу. С приложением программ всех учебных заведений и 6 планов Петербурга. СПб.: Тип. А.П. Червякова, 1865. 144 с.

8. *Савва (Тихомиров), еп.* Хроника моей жизни: Автобиографические записки высокопреосвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского. Сергиев Посад: [б. и.], 1907. Т. 7: (1883–1885). 592 с.

9. *Феофан (Говоров) еп.* Письма к разным лицам о разных предметах веры и жизни. М.: Унив. тип. (М. Катков), 1882. 432 с.

10. *Феофан (Говоров) еп.* Собрание писем. М.: Тип.-лит. И. Ефимова, 1898. Вып. 2. 240 с. М.: Тип.-лит. И. Ефимова, 1899. Вып. 6. 216 с. М.: Тип.-лит. И. Ефимова, 1900. Вып. 7. 256 с.

11. Киевский институт благородных девиц и институтская Александринская церковь (Общий очерк воспитательно-образовательного дела в институте) // Киевские епархиальные ведомости. 1884. № 11–12. С. 507–516.

References

1. “Pis'ma preosv. Feofana k V.V. Shvidkovskoi: Kratkii biograficheskii ocherk eia” [“Letters from the Rev. Theophan to V.V. Shvidkovskaya: Brief Biographical Sketch of Her”]. *Sankt-Peterburgskii dukhovnyi vestnik*, no. 48, 1897, pp. 950–953. (In Russ.)
2. Shcherbakova, M.I. “Korrespondent sviatitelia Feofana ‘g-zha NN’” [“Correspondent of St. Theophan ‘Ms. NN’”]. *Dva veka russkoi klassiki*, no. 1, 2021, pp. 262–283. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2021-3-1-262-283> (In Russ.)
3. Shtein, M.G. *Ul'ianovy i Leniny: Tainy rodoslovnoi vozhdia* [*Ulyanovs and Lenins: Secrets of the Leader's Genealogy*]. Moscow, Algoritm Publ., 2013. 302 p. (In Russ.)